

Владимир СПЕКТОР

ПРЕТЕНДЕНТЫ НА ПОБЕДУ В МАРАФОНЕ

От вечных вопросов до вечных ответов дороги длинней и опаснее нету.
От чести — до мести, от правды — до лести петляет дорога, и мы с нею вместе.
Меж самообманом и искренней ложью. А к правде обычно ведет бездорожье,
Хоть место ей в нашей груди, а не где-то. Но в этом и трудность
всех вечных ответов.

Мудрые люди не рекомендуют жить в эпоху перемен. Но других ведь и не бывает. Да и обменю время не подлежит. Вот и приходится жить с момента рождения в том времени, которое выбрано судьбой тебе и твоему поколению. И воспринимать перемены как нечто неизбежно присущее любой эпохе. Для нашего поколения перемены начали зарождаться после относительно спокойных 60-х и 70-х годов в начале 80-х, после ожидаемой и все же неожиданной смерти Леонида Ильича. Вообще, перемены в советские времена, как правило, начинались после смерти лидеров, с интервалом в 29 лет. 1924-й — 1953-й — 1982-й... Правда, в промежутке между первой и второй датой была Великая Отечественная война (она же Вторая мировая, но для наших родителей, а значит, и для нас — Отечественная). Между второй и третьей — тоже много чего судьбоносно произошло. Но все это было, что называется, в контексте. Правда, после Брежнева еще два престарелых генсека ушли друг за другом в мир иной с интервалом примерно в год, что дало повод для скорбных шуток о том, что в Политбюро открыт сезон похоронных гонок на лафетах. Вообще, невеселых анекдотов о старческом маразме руководства страны и лично дорогого Леонида Ильича хватало. Это было и копирование его речи, искаженной, видимо, неудачными зубными протезами (сейчас сочувствую ему от души). Знаменитые фразы типа «сиськи-масиськи (систематически) и «сосиськи сраные» (социалистические страны), а также «широко шагает Азейбаржан» вызывали, конечно, смех, но грустный. Как и анекдоты, оставшиеся в памяти из того времени:

Что такое четыре ноги, сорок зубов? — Крокодил. — А сорок ног, четыре зуба? — Политбюро.

В Большом зале Кремля Л. И. Брежнев принял английского посла за немецкого и имел с ним продолжительную беседу.

Владимир Спектор родился в Луганске. Редактор литературного альманаха и сайта «Свой вариант». Автор более двадцати книг стихотворений и очерковой прозы, изданных в Донецке, Луганске, Киеве, Москве. Заслуженный работник культуры Украины. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе имени Юрия Долгорукого, имени Арсения Тарковского, имени Сергея Михалкова. Публиковался в журналах «Слово/Word», «Новый континент», «Новый берег», «Радуга», «Сетевая словесность», «Дети Ра», «Связь времен», «Зарубежные задворки», «Этажи», «Берега», «Чайка», «Золотое руно», «Камертон», «Литературная Канада», «Особняк», «Интер-Фокус», «Новый Гильгамеш», «Клаузура» и других. С 2015 года живет в Германии.

Включает человек телевизор. На первом канале выступает дорогой Леонид Ильич. Переключает на второй канал — там тоже Брежнев. На третьем канале — опять Л. И. Брежнев. Включает четвертый канал — там полковник КГБ с экрана грозит кулаком и говорит: «Ты у меня допереключаешься...»

Все это только подтверждало мысль о необратимости начавшегося разрушительного периода. Кстати, спустя именно 29 лет после смерти предпоследнего в истории генерального секретаря началась война в Донбассе. Конечно, все это просто совпадения, но, с другой стороны, как говорил когда-то на открытом партсобрании парторг конструкторского отдела, все это «звенья одной цепи». Говорил он, комментируя факт, что в течение месяца две сотрудницы нашего бюро опоздали на работу на три и пять минут соответственно. А раз бюро было полностью беспартийным, то все эти нарушения можно рассматривать как звенья одной цепи. Ни больше ни меньше. Но это просто вспомнилось к слову. А возвращаясь к эпохе перемен, думаю, главную пробоину в могучем корпусе, казалось, непотопляемой советской власти нанесла афганская война. Но все более зримее разрушения стали проявляться именно после ухода с капитанского мостика Ильича под номером два.

Смутно помню спешно собранный перед обеденным перерывом траурный митинг, на котором парторг с концентрированной горечью в голосе произнес: «Ушел наш вождь». Стоявший рядом со мной Ренов скривился и прошептал: «Почему вождь, почему не сказать просто — старый больной человек...» Шамшин эхом продолжил этот шепот: «Больной, конечно, на всю голову, как все мы». Шепот этот на ход митинга не повлиял, да и слышали его только те, кто прислушивался. Вообще, вождями чувствовать себя хотелось руководителям на всех уровнях, причем любимыми вождями. На одном из награждений, которые щедро транслировались по всем телеканалам (а их и было всего два), один из соратников Брежнева, вручая ему очередную Золотую Звезду, благостным тоном сказал: «Народ тебя любит, Леонид Ильич».

Самое интересное, что за несколько лет до этого он же произнес эту же фразу, меняя в конце ее «Леонид Ильич» на «Никита Сергеевич». Тем же благостным тоном. Запомнилось, потому что транслировалось усердно. Любил или нет народ Брежнева? Думаю, в целом относились к нему люди неплохо. Было видно, что он не злой, любит пожить, и хорошо пожить. Ну, и то, что был на фронте, тоже имело значение. А в последние годы было заметно, что очень болен, и это вызывало и досаду, и стыд, и сочувствие. К его 70-летию, наверное, все предприятия страны слали в Кремль свои подарки. Я видел подарок нашего завода. Его доводили «до блеска» в бюро художественного проектирования. Это был макет земного шара, и по орбите вокруг него, как спутник, бежал маленький тепловоз с маркой «ВЗОР». Смотрелось очень красиво. Интересно, где этот макет сейчас. Выбросили, наверное, вместе с историей и атрибутами ушедшей в небытие эпохи.

Нас учили, учили, еще раз учили... И конспекты тех лекций еще не истлели.
Только знания старые нынче не в силе и беспомощны, как импотенты в постели.
Нас учили, учили, еще раз учили... Где ты, призрак бродячий знакомого «изма»?
Отряхну конспекты, как память, от пыли и прилежно ищу
хоть бы тень оптимизма.

Сквозь рыбный день, сквозь дым и чад столовой стремится к пище очередь-удав.
Котлеты из минтая, как подковы, сулят удачу, даже без приправ.
А на раздаче пышные мадонны, изнедав общепитовской тоски,
Удачу злую, словно макароны, терзают на отдельные куски.

Отмечу, что траурный митинг на аппетит никак не повлиял. По пути в столовую и из нее мы обсуждали перспективы ближайшего будущего. Все были твердо уверены: хуже быть не может, значит, теперь потихоньку все начнет улучшаться. Наивные... И хуже может быть (все будущие годы это подтвердили в полной мере). И улучшения не предвиделось, как выяснилось, вовсе. С высоты прожитых лет сегодня тот стабильно унылый застой (именно так окрестили 70-е и начало 80-х годов) при всех своих похабных недостатках видится вполне сносным временем для жизни. Скромной, без излишеств, но и без мучительных, часто провидческих переживаний о том, каким невеселым может быть день завтрашний и что ждет в нем детей и внуков. Наоборот, была надежда (почти уверенность), что наступающий день будет лучше (за счет чего, правда, неизвестно), было ощущение незыблемости существования и бетонной прочности окружающей действительности с ее привычными плюсами и огорчительными минусами (вечные дефициты чего-нибудь, блат, кумовство, привилегии, страх перед всемогущими «компетентными органами»). И все это на фоне нескрываемого, торжествующего лицемерия и двуличия руководства, алчности, корыстолюбия, повсеместного воровства, которое воспринималось как «умение жить» и непрменный атрибут среды обитания (и четверга со всеми остальными днями тоже). «Государство не обеднеет. Сколько у него ни воруи, своего не вернешь». «А все вокруг колхозное, а все вокруг мое».

Неласковый пейзаж отчизны милой — неубранных полей глухая злость и сила,
Небес клубящихся извечная тоска и путник, как страна, готовый для броска
Неведомо куда, но поскорее... И украинцев жаль, и русских, и евреев,
И всех детей измученной земли, тех, что идут, проходят и ушли...

Стихи рождались на фоне тех шуточек и общей атмосферы цинизма, неверия ни во что, как мощная ржавчина, разъедали все жизненные устои, и немудрено, что они очень быстро рухнули. Опасно провозглашать и писать одно, а делать в реальности совсем другое. Это очень заметно и губительно для всех: и делающих, и наблюдающих. Советские чиновники, безусловно, это знали и понимали (дураками большинство из них не были), но абсолютные безнаказанность и всевластие, уверенность в своем непререкаемом кастовом всемогуществе развратили их до предела, и даже больше. Видимо, они в большинстве своем потеряли ощущение реальности. Либо просто понимали, что сделать что-то, исправить положение уже поздно. Хотя попытка изменить ситуацию, повысить исполнительскую дисциплину и ответственность, напомнить о понятиях морали и нравственности была предпринята как раз после ухода Брежнева, когда на смену ему на короткое время пришел бывший кагэбист (а их бывших не бывает) Юрий Андропов. Он и действовал в стиле карательных органов, демонстративно «прикручивая гайки».

Повсеместно прокатилась волна неожиданных проверок документов в кинотеатрах на дневных сеансах, в магазинах и на рынках. О том, что громадное количество людей работали посменно и днем вполне на законных основаниях могли быть там, где им заблагорассудится (в том числе в кино и в магазинах), как-то не подумали. Любви и доверия к власти это не добавило. Заодно начали новую борьбу с опозданиями на работу. Теперь за них могли даже уволить. Сразу появился анекдот:

Сотрудник не пришел утром на работу. В 9.00 его нет, в 10.00 нет, в 11.00 — тоже нет. Наконец в 11.30 звонит на работу его жена и сообщает, что муж ночью умер.
— Слава богу, — отвечает начальник, — а то мы уже беспокоились, что он опоздал.

Поскольку заводская пропускная система выходы за проходную в рабочее время затрудняла до практической невозможности, а опоздания изначально не приветствова-

лись как любое нарушение рабочего распорядка дня, мы следили за событиями отвлеченно, как болельщики, сидящие на трибуне, за перипетиями матча. Следили без энтузиазма, поскольку и умом, и сердцем понимали: счет не в нашу пользу. Зато сорт водки, который появился при Андропове и стоил дешевле остальных на 10 %, в народе так и называли — «андроповкой» (бутылка стоила, по-моему, 4-70). Еще ее ласково называли «школьницей» или «первоклассницей», потому что появилась в продаже первого сентября. Вообще, цены на водку отражали состояние дел в реальной экономике, и то, что они росли, ни о чем хорошем не говорило. Позже, при Горбачеве, когда был объявлен «сухой закон», бессмысленный и беспощадный, водка резко подорожала, потом ее продавали по талонам в диких очередях. Популярными были откровения народного творчества: «На недельку, до второго, закопаем Горбачева. Откопаем Брежнева — будем пить по-прежнему». И еще: «Милый Леня, открой глазки, дай нам водки и колбаски».

Летучий дым болгарских сигарет — забытый символ дружбы и прогресса.
 «Родопи», «Шипка», «Интер», «Стюардесса» — не в небесах клубится легкий след,
 А в памяти, где тень яснее света, где хорошо быть просто молодым,
 С беспечностью вдыхая горький дым Отечества, как дым от сигареты...

В день объявления антиалкогольной кампании мы помогали переезжать с одной квартиры на другую руководителю нашего отдела Константину Игоревичу Спиригину, человеку умнейшему и образованнейшему (и, кстати, не пьющему вообще). Он, услышав в новостях об этом законе, сказал: «Попомните мои слова, ребята, этот закон разрушит страну». Как в воду глядел. Даже мне, человеку, почти не пьющему и к водке относящемуся равнодушно, были отчетливо видны вся дурость и бездумная самоуверенность вкупе с пренебрежением к людям, которые проявились в этом законе. Вместо того чтобы наказывать, штрафовать тех, кто появлялся на работе в нетрезвом виде, стали продавать напитки с 11 часов (это называлось «ленинский час», потому что на одном из юбилейных металлических рублей Ленин, если приложить к циферблату часов, показывал как раз на цифру «11»). Потом вообще — с двух часов дня. Помню популярное тогда объявление: «Внимание, в Москве 14 часов. Работают все винно-водочные отделы Советского Союза». Объем выпуска водки резко уменьшился, она значительно подорожала, попутно начали вырубать виноградники (это была вообще безумная дикость). Зато народ стал гнать самогон в немереных количествах, что привело к дефициту сахара и массовым отравлениям самодельным зельем. По поводу цены популярными были такие частушки: «Передайте Ильичу — нам и десять по плечу! Если цены станут больше, то мы сделаем, как в Польше. Если будет двадцать пять — будем Зимний братъ опять».

Идут незримые минуты, но внятн их тревожный гул.
 Не забирай мою цикуту, я все равно уже хлебнул.
 Не забирай, прошу, не трогай, ты видишь — нет на мне лица.
 Я подышу перед дорогой, я это выпью до конца.
 Я все равно уже отравлен, но мне отравы эта — всласть.
 Там, где от центра до окраин не слаще выжить, чем пропасть.
 И пусть свеча почти задута, я и допью, и допою.
 Не забирай мою цикуту, пускай отраву, но мою!

Ни Зимний, ни Летний не взяли, не отстояли... Время перемен наступило без боя, его ждали. «Перемен требуют наши сердца», — чуть позже пел Цой, и ему подпевала

вся страна. А тогда на следующий день к нам в бюро вбежал наш партийный коллега и плюс к этому хороший товарищ и возбужденно прокричал: «Мужики, подавайте заявление в партию! Будет брежневский призыв, и вас примут». То есть без призыва нам там ничего не светило. Воодушевления у меня и Ренова этот клич не вызвал. Да и, как выяснилось, был он беспочвенным. Никакой потребности в экстренном пополнении рядов, тем более сомнительными паршивыми интеллигентами с подозрительными анкетными данными, 18-миллионный (!) отряд коммунистов не ощущал. Казалось бы, такая громадная партия... И рассыпалась, как карточный домик. Как говорил потом Ренов, «хорошо, что не вступили тогда. На одних взносах сколько сэкономили...» Но конечно, главное не во взносах, а в переменах, в том, что разрушили все устоявшиеся основы те, кто должны были беречь их как зеницу ока. Вся чиновничья рать, начиная с первых лиц государства, оказалась морально (аморально?) готова к тому, чтобы выбросить (а то и сжечь) свои партийные книжечки. А потом легко перепрыгнуть из одних кресел в другие, став кооператорами-бизнесменами (раньше это называлось спекулянтами) или политиками-демагогами (раньше это называлось тунеядцами), короче говоря, «элитой». Как сказал прекрасный поэт Ян Таксюр, «два дні, як від корита, а кажуть, що еліта»... В 1982 году снежный ком только чуть вздрогнул. Покатился он потом, после перестройки. Хочу подчеркнуть, что никого не осуждаю. Каждый поступал в меру своей подготовленности к переменам, умения молниеносно и эффективно реагировать на события, приспосабливаться к переменам, трансформируя это умение в капитал или власть (что в принципе одно и то же). Как всегда, самыми успешными становились наиболее социально активные (при этом циничные, беспринципные и зачастую, увы, подлые и безнравственные). Но именно так распорядились время и судьба.

О низменных чувствах не пишут стихи, о них не слагают былины.

Из них сочиняются только грехи с позорищем наполовину.

Но среди новостей ощутишь вдруг порой тех чувств одуряющий жар...

И кажется, с жизнью проходишь сквозь строй, где каждая новость — удар.

Тем не менее до начала движения (вниз или вверх?) были еще два финальных периода власти брежневских преемников — Андропова и Черненко. В памяти они остались дряхлыми представителями старчески унылого Политбюро. Но ведь им было не так много лет: Андропову вообще меньше 70, а Черненко чуть за 70. Да и сам Брежнев умер всего в 76 лет, но уже задолго до этого выглядел как зажившийся на свете столетний дед. Странно. Но и поучительно. Ибо все это подтверждает вечную истину: «Ни деньги, ни власть не гарантируют здоровье и счастье». Хотя правило «Лучше быть здоровым и богатым, чем даже бедным, но больным» тоже никто не отменял. Андроповские времена запомнились не только облавами в кинотеатрах именной водкой, но и обострением войны в Афганистане, а также обсуждением проекта поворота течения великих рек. Но руки до реализации этого, слава богу, не дошли. Новая метла нашла новый мусор. При Черненко таким идеологическим мусором были объявлены тысячи самодельных и даже профессиональных рок-групп (особенно досталось тогда «Машине времени»). Статья в «Комсомольской правде» замечательного писателя Виктора Астафьева «Рагу из Синей птицы» озадачила и удивила. «Зачем он полез в рок-музыку? Ну, пишет же хорошие романы о войне, писал бы дальше. Нет, в музыкальные критики записался...» — с этим мнением Ренова я был полностью согласен. Но думаю, «Машина времени» была не в обиде — статья только добавила популярности не только знаменитым «машинистам», но и безвестным рок-«кочегарам». А еще Черненко (его из-за инициалов К. У. в народе часто называли Кучеренко) восстановил

в партии В. М. Молотова, причем сделано это было демонстративно, с приглашением опального сталинского наркома в кабинет к самому генеральному секретарю. Сразу родился анекдот о том, что Черненко готовит его в качестве достойной замены себе (Молотов был старше его всего на 20 лет). Смешно, но не очень. Смертельно больной лидер страны, говорящий свистящим шепотом и стоящий, как призрак власти, перед камерами, — это было уже не стыдно, а страшно. При том, что биография его говорила о незаурядных способностях в молодости, да и многолетнее пребывание «серым кардиналом» за спиной Брежнева тоже свидетельствовало об уме и организаторских талантах. Но время его было упущено. И время на часах страны уже таяло безвозвратно. Но анекдоты появлялись стабильно даже в это удивительное время. Вот то, что запомнилось с тех пор:

Программа «Время». Диктор в черном костюме: «Уважаемые товарищи, вы, конечно, будете смеяться. Но нас опять постигла тяжелая утрата...»

Идут похороны Черненко. Кто-то пытается прорваться ближе к траурной процессии. Ему удается пройти первое кольцо оцепления из милиции, второе — из военнослужащих, прорываясь через третье — из сотрудников КГБ, — его останавливают и спрашивают:

- У вас приглашение?
- Нет, у меня абонемент!

После похорон Черненко в Кремле раздался звонок:

- Алло, это Кремль? Вам генсеки не нужны?
- Вы что, больной?
- Да, и очень старый...

Кстати, на заводских часах время не теряло своего ритма и в застойные годы. Именно тогда были построены громадные корпуса новых цехов, в которых появилось более современное оборудование, ежедневно на рельсы ставились 5—6 тепловозов, поставлявшиеся не только на железные дороги Советского Союза, но и в 15 стран мира. Причем устойчивая работа их обеспечивалась в диапазоне от минус сорока до плюс пятидесяти градусов по Цельсию. Постоянно разрабатывались новые модели и серии локомотивов, среди которых были и богатыри мощностью 6000 лошадиных сил в секции, и экспортные красавцы малой мощности, тепловозы для БАМа и даже для армии, которыми оборудовали специальные ракетные составы. Выпускались и водоплавающие бронетранспортеры «Амфибии». А под маркой товаров народного потребления — детские велосипеды, игрушки, элементы мебели. В середине 80-х ежемесячно выпускалось 120 секций, что было абсолютным мировым достижением. Всего было выпущено более 40 типов и модификаций тепловозов в количестве более 45 000 секций. Изменилась и заводская территория. Появились скульптурные изображения и памятники, зимний сад и бассейн с водоплавающими птицами, который сразу назвали «лебединым озером». А прямо перед директорским корпусом был устроен фигурный пруд с карпами...

Бассейн искусственный. И пара лебедей среди прочей водоплавающей птицы.
На месте белокрылым не сидится. Плывут по кругу, веселя людей.
Плывут по кругу и, душою всей томясь, все пробуют подрезанные крылья.
Чтоб снова ощутить свое бессилье... А рядом — корм, и убирает грязь
По совместительству служитель строгий, кляня судьбу за вымокшие ноги.
И рядом — облака плывут, клубясь.

Да и Луганск в эти годы, невзирая ни на что, обновлялся и разрастался, хотя медленнее, чем это было возможно. Тем не менее именно тогда были построены новые корпуса медицинского института, областной и детской поликлиники, современные жилые кварталы. Проблемы тоже ощущались. Многие из них были житейские, и понимание, что их можно решить, нужны только желание и умение, было естественным и устойчивым. Хотя накапливались и проблемы системного характера: косность государственного механизма, закрытость, недемократичность... Все это в целом называлось «административно-командной системой управления». Перемены в ней действительно назрели и перезрели... Появление относительно молодого, энергичного, улыбчивого, говорливого (без бумажки, правда, с корявыми фразами и сомнительными ударениями) Горбачева было сродни взрыву бомбы.

Перестройка, гласность, ускорение... Думаю, в первые месяцы своего правления он очаровывал всех. Кстати, о своем предшественнике он сказал так: «Я думаю, что если бы Черненко не было, его надо было придумать». Запомнились еще несколько его фраз, которые стали почти крылатыми. Например: «Я покидаю вас оплодотворенным и теперь пойду с еще большим забралом». Или такие: «Я не знаю как, но у меня есть план», «Мы узнали, кто есть ху»... Сегодня много рассуждений на тему, был ли Горбачев предателем, «засланным казачком», агентом влияния коллективного Запада или просто, будучи неподготовленным, не обладая широкими познаниями, «хотел как лучше, а получилось как всегда»? Кто знает... Хочется верить, что хотел как лучше, но прекрасными намерениями выложил дорогу известно куда. Такое впечатление, что все или почти все решения принимались непродуманными, спонтанно, в расчете на традиционное «авось»... При этом все понимали, что перемены нужны как воздух, что воздух этот должен быть свежим и исцеляющим от многих застарелых болячек. Но с самого начала все пошло как-то не так. Слова были вроде правильными, но делами они так и не становились. Дела были все хуже и хуже. Как покатило вниз, начиная с безумно проведенной антиалкогольной кампании, так и уже не останавливалось. Еще и катастрофы с природными катаклизмами тоже усугубили ситуацию. Чернобыль, крушение «Адмирала Нахимова», Спитак, железнодорожные и авиационные аварии. Совершенно немыслимая посадка самолета Матиаса Руста на Красной площади... Как говорится, все одно к одному. А потом к этому начали добавляться национальные конфликты в, казалось бы, братских республиках. Карабах, Тбилиси, Средняя Азия. Там пролилась кровь, которая ума в принятии решений не добавила. И все это на фоне усиливающегося дефицита товаров и продуктов, который с 1986 года начал принимать характер бедствия. Только потом стало ясно, что поспешная отмена монополии государства на внешнюю торговлю не стала пропуском в рыночную экономику. О ней, как о панацее, вещали из каждого утюга мгновенно возникшие в немереных количествах эксперты, политологи, социологи и псевдоэкономисты... А в это время все, что можно и нельзя, новоявленные бизнесмены отправляли за рубеж, становясь при этом первыми миллионерами.

Это город. И в нем не хватает тепла. И не осень прохладу с собой принесла.
Не хватает тепла в руках и душе, в ручке мало тепла и в карандаше.
Не хватает тепла во встречных глазах. В них смятение и холод. А может быть, страх.
В этом городе нищим не подают. Им по праздникам дарят веселый салют.
В темном небе так много слепящих огней, но не греют они суету площадей.
Не хватает тепла, хоть работает ТЭЦ в этом городе теплых разбитых сердец.

После 1986 года дефицитом вдруг оказались повседневные товары и продукты: сигареты, сахар, мыло, зубная паста, одеколон, туалетная бумага, не говоря о традицион-

но малодоступных сложных электроприборах. Все это производилось пусть не такого качества и не так упакованное, как хотелось, но оно ведь было. Только не в магазинах. Постоянные очереди за всем и везде раздражали, росли недовольство и озлобленность. Намеренно все это делалось или случайно — абсолютному большинству людей неведомо. Но это было очень плохо. Это был сигнал SOS, который не слышали, а если слышали, то уже ничего не смогли сделать. Или не хотели. Кстати, вспоминая, как после какого-то очередного пленума нас собрали в зале Дворца культуры имени Ленина на встречу с делегатом от завода. Им был бригадир слесарей, видно, что простой, хороший человек. Он, бедняга, все силился внушить нам уверенность в завтрашнем дне: «Нам обрисовали такие перспективы, такие перспективы! Все наладится. Промышленность работает, и мы все как один...» Пришел черед вопросов, о которых с показной лаской спросила заместитель парторга завода. И встал кто-то из рядов, занятых конструкторами, и будничным тоном спросил: «Мы верим, что все будет хорошо, но почему сейчас нет в продаже лука, сахара, мыла?» Надо было видеть, с каким ужасом смотрел на него делегат, повторяя свою мантру: «Нам обрисовали прекрасные перспективы...»

Поднялась со своего места заместительница и с обворожительной улыбкой сладким голосом пропела: «Я с вашего позволения объясню товарищу». И дальше поведала о временных трудностях, неурожае и перебоях в снабжении. Заверила, что перспективы будут прекрасными, чтобы не сомневались. Не совсем освобожденные от сомнений покидали мы зал. А на следующий день парторг ЦКБ проводил нелегкое дознание. Он собрал начальников бюро и кратко обрисовал ситуацию. «Оттуда, — и показал пальцем на потолок, — звонили и поинтересовались, какая б... задавала провокационные вопросы делегату. Разобраться и доложить». К чести начальников, все они выразили недоумение и поклялись, что никто не видел и не слышал никаких поганых вопросов. Дело замяли. А перспективы оказались не прекрасными. Примерно тогда же мы праздновали юбилей папы в модном кафе «Театральном». Это был разгар антиалкогольной кампании. В кафе радовал глаз лозунг «Мы празднуем без алкоголя». И встал вопрос: «А как это?» Оказалось, очень просто. В бутылки из-под минеральной воды наливалась водка. Только и всего. Как сказал когда-то Сулейман Ставский: «Такой народ не будет побежден». И еще один хороший лозунг из тех времен: «Отвечим на безалкогольные свадьбы непорочным зачатием!» Как бы то ни было, жизнь продолжалась, и не все было так плохо. По крайней мере, ощущения скорого развала страны не было вовсе. Даже несмотря на невеселые (но смешные) анекдоты:

В ресторане.

- Почему у вас котлеты квадратные?
- У нас перестройка.
- А почему они недожаренные?
- Мы работаем с ускорением.
- А почему они надкусаны?
- Это госприемка.
- А почему вы об этом так смело говорите?
- Так ведь гласность у нас!

В парфюмерном магазине двое обращаются к продавщице:

- Нам, пожалуйста, два «Тройных» и один «Ландыш».
- Брали б уже три «Тройных».
- Что вы, с нами дама!

Проезжает Горбачев мимо винного магазина, видит огромную очередь. Останавливается, заходит в магазин, спрашивает:

- А что, коммунисты среди вас есть?
- Есть.
- Гнать надо!
- Так ведь сахара нет, Михаил Сергеевич!

Ощущения безвыходности действительно не было. Ведь появлялось и то, чем можно было гордиться, и об этом регулярно сообщали и газеты, и телевидение. Появился могучий космический корабль многоразового использования «Буран», начал полеты самый мощный самолет в мире — «Мрия», запорожский завод освоил выпуск пусть неказистой, но и недорогой «Таврии», а в Набережных Челнах выпускали микролитражную «Оку» (увы, наша семья машиной так и не обзавелась). Да и то, что подписывались договоры о мирном сосуществовании, разоружении, начался процесс вывода войск из Афганистана, — все это было неплохо. Кто знал, что договоры потом выполняться не будут, что движение имеет только одностороннее направление, что все это — приметы грядущего развала. Исторического поражения, как потом это назвали. Тогда еще об этом не думали. Рейган приезжал в Москву, а Горбачев в Рейкьявик (вообще, он с супругой объездил весь земной шар, но это тоже воспринималось с благодушием, как признак грядущего улучшения ситуации). Даже в анекдотах все было не так плохо. Вместо конфет «Мишка на Севере» предлагалось выпускать «Мишка в Рейкьявике», и главное, чтобы в них не было СОИ (стратегическая оборонная инициатива США, против которой активно выступал Горбачев). А о Рейгане был знаменитый анекдот из «чукотской» серии: «Чукчу спрашивают: „Как зовут собаку Рейгана?“ На что тот, подумав, отвечает: „Рональд“».

В стране царила неслыханная доселе гласность, и это, вероятно, было единственное полноценное достижение тех лет. Газеты, журналы, телевидение... Хотел написать «радио», но первые FM-станции появились чуть позже, а тогда радио хоть и стало намного интереснее, но с телевидением по популярности соперничать не могло. «Взгляд», «До и после полуночи», «Прожектор перестройки», «Веселые ребята», возвратившийся с триумфом КВН, «Музыкальный ринг», «Брейн-ринг» — это было потрясающе интересно, непривычно и многообещающе. Ведь все еще хорошо помнили анекдот про полковника, грозившего кулаком с унылого телеэкрана: «Я тебе попереключаю!» Появились и первые «мыльные» сериалы про Изауру, а слово «фазенда» прочно вошло в лексикон миллионов дачников и огородников. Ну а то, что «Богатые тоже плачут», приятно успокаивало бедняков, середняков и прочих сочувствующих. Еще и Чумак с Кашпировским внушали уверенность, что все болезни — от нервов, все пройдет, надо только зарядить воду и крем, а потом их употреблять по назначению. Хороший анекдот об экстрасенсах не потерял актуальности: «Увидев мальчика с костылями, Кашпировский сделал движение рукой и громогласно ему сказал: „Брось костыли и иди!“ И мальчик бросил костыли и пошел. А что у него было? Насморк небольшой, и горло побаливало. А костыли зачем? Так бабушке нес». И бабушки, и дедушки вместе с детками и внуками тогда, по-моему, с интересом смотрели молодежные программы, особенно КВН. На мой взгляд, это был пик популярности Клуба веселых и находчивых, когда действительно становилось «радостнее и веселее всем». «Одесские джентльмены», МХТИ, Днепропетровский университет... Маврин, Пелешенко, Левинзон, Миносян... «Партия, дай порулить!» — этот призыв стал всенародным. А еще помню строчку из песни: «С чего начинается мафия? С того, что прилавки пусты. С хороших и верных товарищей, занявших большие посты...» И просто смешную, не политическую фразу: «Дочь директора винзавода выходит из душа красная и полусухая». КВН и сегодня регулярно появляется на телеэкранах. Но он, на мой взгляд, постепенно превратился в ту самую «осетрину второй свежести». Мне неинтересно. Возможно, я и не прав. И еще о телевидении. Тог-

да даже традиционные «Голубые (новогодние) огоньки» поменяли характер со строго официального (хотя все равно любимого) на энергичный и заводной, представляя самых популярных исполнителей с самыми модными шлягерами. Пугачева, Ротару, Вайкуле, Лещенко, Леонтьев, Боярский, «Наутилус Помпилиус», «Агата Кристи», «Привет», «Веселые ребята», «Верасы», а чуть позже «Браво»... В новогоднюю ночь я ставил «Эльфю» перед телевизором на запись, и потом первые дни года всей семьей слушали «новинки сезона», составляя мысленно хит-парад нашей квартиры. Было дело.

Уходит время бескорыстных песен, все реже слышно: «Друг, товарищ, брат...»
 Все чаще: неудачлив — значит честен, зато нечестен — выгодно богат.
 Ты чувствуешь, дружище, как уходит наивная застенчивость, и с ней —
 Нелепое, как дым без парохода, теряет голос эхо наших дней.

А хит-парад просмотренных фильмов я компоновал в своем блокноте (так жаль, что он потерялся). Вторую половину 80-х годов мы ходили в наш «домашний» кинотеатр «Октябрь» практически каждую неделю. Фильмы там менялись, по-моему, по понедельникам и четвергам. Ходили на последний сеанс, это было удобно — зал обычно был полупустой. Так что претендентов на попадание в мой блокнот было много. Как раз в те годы мы посмотрели там «Амаркорд», «А корабль плывет», «Кабаре», «Скромное обаяние буржуазии»... И советские фильмы тех лет тоже были хороши: «Завтра была война», «Холодное лето пятьдесят третьего», «Курьер», «Забывтая мелодия для флейты», «Асса», «Покаяние», «Интердевочка», «Маленькая Вера», «Самая обаятельная и привлекательная», «Полеты во сне и наяву»... Тогда же были показаны фильмы Германа «Проверка на дорогах», «Мой друг Иван Лапшин», «Торпедоносцы»... Это то, что вспомнилось (и не зря) из того потерянного блокнотика. И конечно, незабываемы те, кто один за другим ушли из жизни в 1987 году, осиротив не только кино и театр, но и в какой-то мере жизнь миллионов людей, влюбленных не только в их искусство, но и в их жизненные принципы и идеалы. Я говорю о легендарных Андрее Миронове и Анатолии Папанове. Это, на мой взгляд, были потери из разряда невосполнимых.

Жаль и исчезнувший (чуть позже) кинотеатр «Октябрь». Построенный в 30-е годы, он считался одним из наиболее удачных храмов «важнейшего для народа» искусства. Масштабное здание с колоннами, большой кинозал, просторное фойе с фонтаном, кафетерием, оркестровой сценой и местом для танцев. Множество картин, фрески на стенах... И даже на крыше — скульптурные изображения мальчика с моделью самолета и традиционной девушки с веслом. Мне кажется, это было удачно придумано. Настроение они создавали. Но время шло, и престиж кинотеатра падал. «Первым экраном» фильмы шли в «Украине», «Авроре», потом — в «Буревестнике», «Мире». А «Октябрь» превратился во второразрядную киношку в рабочем квартале, где фильмы шли не новые, зато менялись дважды в неделю. Без оркестра с танцами, да и золотые рыбки из фонтана постепенно исчезли тоже. Был короткий счастливый период, когда, можно сказать, роль восставшей из небытия «золотой рыбки» сыграл недолго бывший директором кинотеатра киновед, литературовед, писатель Виктор Филимонов, который в соавторстве с еще одним сегодня знаменитым киноведом Евгением Марголитом создал клуб «Волшебный фонарь». Это было событие уникальное и неповторимое. Репертуар подбирался особенный — или шедевры из фильмофонда, или новые фильмы, соответствующие строгим вкусам и требованиям директора. Перед сеансами были очень интересные, недлинные лекции, на которых Филимонов, Марголит и журналист Петр Шевченко увлекательно рассказывали о фильмах и их создателях, о тенденциях развития кино, его истории и перспективах. И самое главное, в гости к зрителям при-

езжали известные режиссеры Андрей Смирнов, Василий Ордовский, Александр Сокуров, с ними можно было пообщаться, обсудить фильмы... Такого в Луганске не было ни до того, ни после. Кому-то это вольнодумство не понравилось. Клуб закрыли, директора уволили. Кому от этого стало лучше? Виктор и Евгений уехали из города. Евгений сегодня — прославленный не только в России, но и в мире киновед, автор уникальных книг по истории советского кино. Виктор, с честью преодолев все несправедливые мучительные гонения и невзгоды, стал известным ученым-киноведом, литературоведом, писателем, публицистом. Его перу принадлежат не только киноведческие работы, но и популярные книги из серии «ЖЗЛ». Петр Шевченко из Луганска не уехал, продолжал работать собкором киевской газеты, стал депутатом областного совета, погиб в Киеве от руки убийцы, которого так и не нашли. А случилась вся эта история с клубом «Волшебный фонарь» всего за четыре года до перестройки. Все, что ни происходит, все к лучшему? Кто знает...

Книгочей, бесребреник, простак... Жизнь — как схема без обратной связи.
Может, в книжках — что-нибудь не так, раз судьба — как строчка в пересказе.
Синева — в глазах и за окном, темнота — в делах, а может, в душах.
Почитаешь — пишут об одном, и совсем другое слышат уши.
Что ж готовит нам грядущий день? Чьи же роли в пьесе мы играем?
Ленского, Онегина ли тень задержалась над родимым краем?
А на кухне факел голубой чайник вновь довел до иступленья.
И плывут над нашею судьбой облака чужого поколенья.

Кинотеатр продолжал дряхлеть, и после развала Советского Союза случилось то, что напрашивалось. Он был передан в частные руки, причем будущий хозяин представил проект перестройки зрительного зала и фойе. Проект был прекрасным. Предполагалось, что зал станет комфортабельным и уютным, а в фойе будет своеобразное кинокафе-кабаре. Демонстрировать собирались только фильмы-лауреаты престижных фестивалей и премий, а еще планировали предоставлять зал для концертов, шоу, представлений, проводить игры типа «Брейн-ринг» или даже КВН... Жизнь распорядилась иначе. Сначала, как полагается, здание декоммунизировали. С крыши исчезли скульптуры. Кому они мешали? Потом в бывшем «Октябре» заработала биржа, непонятно откуда и зачем возникшая. Потом исчезли и биржевики. Долгое время вокруг кинотеатра бушевал дикий «железный» рынок мелких автозапчастей и деталей. И только примерно за год до начала немыслимой войны территория была убрана, облагорожена, а в бывшем храме кино открылся вполне современный храм торговли — супермаркет. Сегодня и он закрыт. Как говорится, «кина не будет». А что будет? Покажет время.

Нелепая смерть, как нелепая жизнь, в которой работал, влюблялся, дружил
Настойчиво и бестолково, и где, как в пословице, съел тот, кто смел,
А ты оглянуться еще не успел, и даже последнее слово
Еще не придумал, еще не узнал, какой из себя он, последний вокзал,
Ан вот уже — раз, и готово. Прощайте, талоны на сахар-песок,
Прощай, колбасы несъедобной кусок, румынский костюм, почти новый,
Основы марксизма, его миражи. Нелепая смерть и нелепая жизнь,
Как памятник этим основам.

Время перестройки, гласности было воистину периодом расцвета журналов, газет, появления новых интересных книг и возвращения к читателям авторов, чьи произ-

ведения долгие годы были под запретом. Подписка на газеты и журналы стала делом вдумчивым, масштабным и затратным. Начиная с 1986 года мы подписывались на «Знамя», «Неву», «Октябрь», «Дружбу народов», «Звезду», «Аврору», «Смену», «Огонек», «Роман-газету». Потом еще и «Новый мир» добавился. Плюс «Литературная газета», «Комсомольская правда», «Советский спорт», «Спортивная», «Книжное обозрение». И еще нерегулярно «Искусство кино», «Ровесник» и «Веселые картинки» (удивительно хороший журнал был, в котором публиковали чудесные стихи Юнны Мориц, Ирины Токмаковой, Михаила Яснова, да еще с иллюстрациями Виктора Пивоварова. «Художник Пивоваров не толстый, не худой, художник Пивоваров качает бородой» — запомнилось из «Веселых картинок»). Конечно, это было много. Но Лора соглашалась, что это интересно, а деньги не главное. Да и, честно говоря, стоили тогда все газеты и журналы не очень дорого. Ну а к ворчанию тещи («Зарплату некуда тратить, они ж богатые, лучше б дитю вещь купили...») мы уже привыкли. Кстати, тесть печатные издания уважал, почитывал их сам и к такой массовой подписке относился с пониманием. В принципе было с чем сравнивать. Еще не так давно свободно подписаться можно было лишь на партийные и местные издания. Подписку на «Литературную газету» в своем бюро мы разыгрывали, ибо на 15 человек был только один абонемент. Даже на относительно смелую иногда в высказываниях «Комсомольскую правду» был какой-то лимит. Зато преданные делу партии «Смена» и «Аврора», а также индифферентные «Знание — сила» и «Здоровье» в дефиците не были. На них я и подписывался в идеологически выдержанные времена. Мало того, еще и вел деликатную переписку, посылая свои стихи и получая равнодушные ответы. Правда, было два исключения. Один раз мне прислала теплое письмо литсотрудник «Авроры», по-моему, Ольга Покровская. Она мне сообщала, что целых пять моих стихотворений отобраны для одного из следующих номеров журнала. Я чуть не умер от счастья. Но она поторопилась. Завотделом поэзии, по-моему, Валерий Левинский мою подборку вычеркнул. Бывает. А в «Смене» объявили конкурс одного стихотворения, и я послал свое. После завершения конкурса победителей опубликовали на одной странице журнала. Было там и мое стихотворение. С подписью инженер Владимир Спектор. Все правильно. Не поэт же. Но все равно было приятно — первая публикация в столице. А перед этим случилась первая публикация в литературном альманахе. В Челябинске издавался альманах «Каменный пояс». И вот редакция пригласила молодых авторов из дружественной Луганской области прислать свои произведения. Отбор у нас вел Иван Низовой. С нескрываемым неудовольствием взял он у меня подборку стихотворений и анонсировал грядущий итог: «Цэ нэ пидойдэ. Алэ я видишлю». Я и раньше ощущал, что не симпатичен мэтру. Но сильно не расстраивался, тем более что все огорчения компенсировала дружба с Николаем Малахутой и Виктором Филимоновым. Не устану повторять, что для меня общение с ними было равноценно учебе в Литературном институте. А конкурс тогда мои стихи неожиданно прошли, и два из них были опубликованы в альманахе. Иван Данилович тогда сказал мне, что, видимо, требования для нас были понижены как для самостоятельных авторов. Возможно. Но из около трех десятков рукописей луганчан, отобранных им для редколлегии альманаха, приняли всего пять. Так что требования были, видимо, стандартные. Вот одно из стихотворений из «Каменного пояса»:

День осенний, дым осенний. На костер восходит лето,
Продолжая представленья с неоконченным сюжетом.
Время кружит, ветер веет, снова смена декораций.
Только небо голубеет да беспечно зеленеют
Листья легкие акаций.

Эти мои скромные достижения были, по сути, главными и практически единственными удачами. Нет, были еще публикации в местных газетах. В «Молодогвардейце» (спасибо Филимонову), в «Луганской правде» (в рубрике «Творчество наших читателей») и в заводском «Октябрьском гудке». Все. Никто в меня, даже в семье, кроме Лоры, не верил. Конечно, очень много значила поддержка Малахуты и Филимонова. Но постепенно я и сам терял веру в свои способности. Особенно после отъезда Филимонова и получения ехидно-разгромного ответа из издательства «Донбасс» на рукопись сборника стихотворений. Потом незабвенный Геннадий Довнар показал мне внутреннюю издательскую рецензию, написанную одним из луганских поэтов, где было указано, что стихи мои реакционны по сути, пропитаны религиозным дурманом, не зовут в светлое будущее, а еще в них 13 раз употребляется слово «душа». Уже в разгар перестройки я послал подборку в журнал «Донбасс», и оттуда тоже пришел равнодушно-пренебрежительный отказ. Я его показал Довнару, а он привел меня в легендарному Владиславу Титову. Мы не были знакомы. Но Владислав Андреевич встретил меня очень приветливо и сказал: «Я знаю тебя, читал стихи. Ты — талантливый поэт. А этот отзыв несправедливый. Постараюсь тебе помочь». Я ошутил, как из спины прорастают крылья. С таким ощущением счастья полетел домой. Это был конец апреля 1987 года. А через два дня Титов умер. Светлая память. В журнале «Донбасс» я все же был напечатан. Как юморист и автор эпиграмм. По совету Малахуты я тогда занимался переводами на русский язык в основном украинских поэтов. Это действительно хорошая школа и практика. Заодно писал пародии на казавшиеся мне не очень внятными стихи. Вот эти пародии и подошли журналу. Честно скажу, особого удовлетворения не ощущал. Это было не то, к чему я стремился. Кстати, с пародиями я еще стал победителем областного конкурса авторов-юмористов! Получил в качестве почетного приза электробритву «Агидель» и тут же подарил ее тестю. Он был очень доволен и демонстрировал всем — вот какую хорошую вещь дали за стихи зятя. Как говорится, и смех и грех.

Мне все дается «с потом, с кровью». Шутя, играя — не умею.
Хоть и завидую порою тем, кто ловчее и сильнее...
А все ж судьбу свою не хаю. В ней боль соседствует с любовью.
Пусть песня лучшая — другая, мне эту петь дано по крови.

Как матерый юморист, я даже писал тексты для заводской команды КВН, сценарии для концертов, где и сам читал свои пародийные опусы... Наверное, все это было полезно. Но вернусь к подписным изданиям. Одной из самых интересных для меня была газета «Книжное обозрение». Это сейчас можно каждый день отслеживать в Интернете, какие книги изданы, мало того, можно даже многие из них тут же прочитать. Есть такие замечательные сайты, создателям которых я благодарен от всей души. А тогда все это было представлено в газете, и я ее изучал с удовольствием, иногда мечтая о том, что когда-нибудь и моя книга будет в ней представлена. Замечу, что в конце концов дождался, и это был момент счастья. Моя первая книга «Старые долги» тоже была обозначена в списке новинок, и Лора, желая сделать мне приятное, ярко раскрасила строчку красным фломастером. Я чуть не плакал. Но это было потом. А тогда (не помню уже год) в «Книжном обозрении» был опубликован анонс, краткое содержание нового детективного романа и беседа с его автором из Луганска (!!!) Это был Сергей Сорокин, журналист «Молодогвардейца», а перед этим работавший и заводском «Гудке». Я был очень рад за него! Гордился его успехом, как своим. Наверное, потому, что земляк, что мы из одной компании (все-таки в «Молодогвардейце» работали Филимонов и Петя Шевченко, и меня там печатали довольно часто), и еще потому что

Сергей — действительно талантливый человек, при этом незаносчивый и невысокомерный. Мы не были близкими друзьями, но здоровались с симпатией. Потом Сергей стал членом Межрегионального союза писателей, знаменитым криминальным репортером, мы вместе работали на радио «Скайвэй»... Он редактировал свою газету, никогда не боялся, писал очень смелые, разоблачительные статьи... Кому-то это сильно не понравилось. Были наняты бандиты, которые разгромили редакцию, а Сергея избили так, что он чудом остался жив. Последние годы я его статей не вижу. Повторю, он очень талантливый. Жаль, что пока не смог реализоваться по максимуму.

Не знаю, какое «шестое» чувство подсказало подписаться в 1987 году на «Дружбу народов», но то, что это было правильное решение, я убедился сразу, когда начал читать «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова. Это было потрясение. Потом я неоднократно слышал высказывания о том, что «это книга из второго ряда, литература невысокого пошиба»... Абсолютно не согласен. Это талантливая литература, мастерская, из разряда «оторваться невозможно». Наверное, именно с выходом этого романа большинство народа поверило в необратимость перемен. Ибо представить что-либо подобное раньше было просто невозможно. По-моему, в том же году в Луганске произошло еще одно событие, немыслимое до перестройки, — концерт еврейских песен в исполнении Вадима Мулермана. Уже на входе в ДК железнодорожников ощущалось, что происходит что-то необычное. Для этого достаточно было одного взгляда на публику, толпившуюся на пороге бывшего драмтеатра. В основном это были пожилые степенные люди, семейные пары, о которых легче всего сказать два слова: «типичные евреи». Типичным был весь зал. Я и сейчас словно вижу его в тот вечер, — напряженные лица, недоверчиво и с нескрываемым ожиданием всматривавшиеся в сценический занавес, словно пытаюсь заглянуть за него и получить подтверждение: «Это, таки да, Мулерман, и он сейчас споеет то, что здесь сроду не звучало». Концерт был потрясающий! Было видно, что и Мулерман пел с наслаждением, ведь долгое время он был отлучен от гастролей, телепередач, любых концертов. Ему было в радость вновь ощущать восторг публики, слушать овации. Его мощный, неповторимый голос завораживал, пусть это звучит банально, но это правда. И он не только пел, но и рассказывал о себе, о своих переживаниях, обидах... А когда зазвучал неофициальный еврейский гимн, в котором всего три слова — «Гевейну шолом алейхем» («Мы несем вам мир»), весь зал сначала нерешительно, а потом в едином порыве встал. Я посмотрел по сторонам — почти у всех на глазах были слезы. У меня тоже. И еще мороз по коже. Это было неповторимое ощущение. Мне кажется, дрогнул голос и у исполнителя. Спасибо ему. Он был великий певец. И думаю, хоккейная песня в его исполнении «Звучит в ушах лихая музыка атаки» будет звучать, пока будет существовать хоккей. А в моей памяти он с микрофоном на сцене ДК железнодорожников, весь зал стоит и плачет. И это называется настоящее искусство.

Голос эпохи из радиоточки слышался в каждом мгновении дня.

В каждом дыхании — плотно и прочно, воздух сгущая, храня, хороня

В памяти — времени лики и блики, эхо которых очнулось потом

В пении, больше похожем на крики, в радости с нечеловечьим лицом.

Кстати, что-то подобное, но в гораздо меньшей степени было и на концертах Яна Табачника, который со своим ансамблем приезжал в Луганск несколько раз. Вернее, на первом концерте, который стал для слушателей действительно откровением, и было видно, что все исполнялось «вживую» и с удовольствием (это всегда заметно). Потом с каждым новым концертом выступления все больше соответствовали определениям «халтура» и «фанера». Главное, исчезли сердечность и задушевность. Мы ходить на

его концерты перестали. Но он, судя по всему, не очень расстраивался потерей своих слушателей. Тому свидетельство его пафосные и напрочь лишённые задушевности телепрограммы «Ян Табачник приглашает», на которых он горделиво представлял совсем других слушателей — политиков и бизнесменов. И нескрываемый дух чванства и самолюбования на тех программах ощущался намного сильнее, чем дух творчества. Своими же слушатели для него так и не стали. Это обнаружилось, когда он благополучно пересел с концертного стула в депутатское кресло, и вздорные, да еще и национально озабоченные коллеги-депутаты пренебрежительно отзывались о нем как о каком-то «гармонисте». Жаль.

Сияющая даль социализма исчезла за холмами небылиц.

Мы дышим спертым воздухом цинизма, и удивленье сходит с наших лиц.

Кто был никем... А впрочем, был или не был — душа молчит, как смятая ботва.

То хлеба не хватает ей, то неба... И словно выстрелы — слова, слова...

Публикация «Детей Арбата», на мой взгляд, стала одним из главных событий того года. А ведь это было время 70-летия советской власти. Даже не помню, как прошло празднование. Видимо, над всеми довлело ощущение, что уже не до юбилеев. Зато помню статью Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами». Вероятно, в чем-то она была права, но воспринималась тогда как защитница всего косного и уходящего.

Остановить сдвинувшуюся с места и покотившуюся под уклон машину саморазрушения было уже невозможно. И в том же году Иосиф Бродский был удостоен Нобелевской премии. Не буду врать, что на тот момент был знаком с его творчеством. Откуда? Книг его ни в продаже, ни в библиотеках не было, всемирной информационной паутиной тогда мир еще не был опутан. Но уже несколько лет спустя после прочтения его книги избранных стихотворений пришло понимание, что он — небожитель, а все остальные ходят по земле. Одно слово — гений. Анатолий Рыбаков небожителем, может, и не был. Но талант его горел ровным светом очень долго и ясно, и его книги, на мой взгляд, по праву вошли в историю великой русской литературы. Так же, как многие другие, которые появились в те годы благодаря журналам, чьи тиражи скакнули до небес. Уже, наверное, никогда тиражи печатных изданий не будут превышать миллион экземпляров, и этот миллион раскупался без остатка. Вот только некоторые книги, которые были тогда прочитаны и запомнились: «Белые одежды» В. Дудинцева, «Ночевала тучка золотая...» А. Приставкина, «Зубр» Д. Гранина, «Дом на набережной» Ю. Трифонова. А еще «Колымские рассказы» В. Шаламова, «Черные камни» А. Жигулина, «Непридуманное» Л. Разгона, «Крутой маршрут» Е. Гинзбург, «Новое назначение» А. Бека, «Кролики и удавы», «Стоянка человека» Ф. Искандера, «Пушкинский дом» А. Битова. Наконец-то пришло время и таких книг, как «Жизнь и судьба» В. Гроссмана, «Доктор Живаго» Б. Пастернака, «Котлован» А. Платонова, «Факультет ненужных вещей» Ю. Домбровского, «Маленькая печальная повесть» В. Некрасова, «Архипелаг ГУЛАГ», «Раковый корпус», «В круге первом» А. Солженицына, «Ключ», «Бегство», «Пещера» М. Алданова... Это только самые знаменитые. Чтение действительно занимало все свободное время. Вот уж на самом деле «смотреть интереснее, чем читать, а читать интереснее, чем жить». Перечислять прочитанные книги мог бы, наверное, долго. Но лучше читать. И не только прозу. Поэзия тогда тоже появилась новая и очень интересная. Выходили книги «Новая волна. Стихи сегодня», «Стихи этого года. Поэзия молодых», «Молодая поэзия. Стихи. Статьи. Тексты», «Реквием. Стихи русских советских поэтов»... Хотя одной из лучших поэтических книг считаю сборник «Страницы современной лирики», составленный и отредактированный знаменитым Вади-

мом Кожинным. Во-первых, там была его прекрасная статья о поэзии, а потом — антология, в которую вошли очень интересные поэты: Соколов, Рубцов, Прасолов, Пердреев, Куняев, Решетов, Юрий Кузнецов, Жигулин, Горбовский, Чухонцев, Казанцев, Эдуард Балашов... О каждом из них было написано несколько строк, одновременно точных и подробных. Кто-то принес эту антологию в букинистический магазин «Далева лавка», где я без раздумий купил книгу, ставшую одной из самых любимых. Интересно, что сборник был напечатан в издательстве «Детская литература». А в издательстве «Молодая гвардия» регулярно выходили первые книги поэтов, и я старался покупать их все, благо в луганском Доме книги больших очередей за этими книгами не было. Урусов, Красников, Краснова, Касмынин, Кошель, Андрей Чернов, Блажеевский, Дружининский, Горбовская, Салимон, Щуплов, Искренко, Жданов, Мальми, Еременко, Бажен Петухов, Иртенев, Кибиров, Арабов «и примкнувший к ним» Губерман... Их книги я изучал пристально и старательно. Это были лидеры поэтического поколения, на которых, я считал, можно и нужно было равняться. Эти строки Губермана хорошо отражают и тогдашнее настроение:

Будущее — вкус не портит мне, мне дрожать за будущее лень;
Думать каждый день о черном дне — значит делать черным каждый день.

Будущее, как всегда, неясно и тревожно. А прошлое — вот оно, в памяти. В том прошлом один-единственный раз я официально был признан «молодым писателем» (в 39 лет!) и получил возможность поучаствовать во всеукраинском семинаре молодых литераторов в Харькове. Для меня это было знаковое событие! Ведь до той поры официальное руководство областной писательской организации меня просто не замечало. Значит, что-то действительно менялось. Нас было трое — представителей Луганской области: Антонина Листопад, Александра Самарцева и я. Добирались поездом, который едет до Харькова всю ночь. Я забрался на верхнюю полку, с ужасом обнаружив на матрасе энергично шевелившего усам таракана. Пусть простит меня общество защиты насекомых (если есть такое), но я его тогда прихлопнул книжкой (какой — не помню). Так что литература — это тоже сила.

От всех переживаний заснул я быстро, а подруги — молодые (хотя и не очень) литераторши — обсуждали свои проблемы почти всю ночь. Ко мне они, украинские поэтессы, относились как к инородному телу, попавшему в поле их зрения по чистому недоразумению. Мы действительно были разными, и на дружбу я не претендовал, да и не рассчитывал. Смутно помню тот семинар, на котором все ждали Чичибабина, но вместо него пришел Роберт Третьяков, хороший поэт и приятный человек. Все по очереди читали стихи. Я тоже. И удостоился похвалы Третьякова, который сказал, что рад познакомиться с еще одним хорошим поэтом из соседнего Ворошиловграда. Было, конечно, приятно, но я понимал, что сказано было из уважения к возрасту: я был постарше большинства участников семинара. Практически никого из них я не запомнил. За исключением двоих — Юрия Кириченко из Днепропетровска и Владимира Глебова из Харькова. С Глебовым мы больше не встречались, но его стихотворение о часовщике и девочке, похожей на секундную стрелку, осталось в памяти.

...Идут молодые под ручку, протезом скрипит инвалид,
И девочка в сереньких брючках секундную стрелкой бежит.

А вот с Юрием Кириченко и с его супругой Галиной стали большими друзьями, много общались, они несколько раз приезжали к нам в гости в Луганск. Прекрасный украинский поэт, человек с энциклопедическими знаниями, Юра был похож на боль-

шого ребенка, для которого ничего в мире, кроме любимой литературы, не существует. Он был сердечный, доброжелательный, искренний и порядочный человек. Его трагическая гибель стала ударом не только для друзей, но для всей украинской поэзии. Светлая память.

Наверное, семинар тот стал последним в истории советской украинской писательской организации. Вскоре ее не стало, а итоги семинара (предполагалось издание коллективного сборника) были благополучно забыты. Но я его помню. Жаль только, что с Чичибабиным так и не встретились. Зато за несколько лет до этого у меня было несколько удивительных встреч в Москве, хоть и безрезультатных, но памятных.

На вокзале жизнь другая. Там уборщица, ругая всех и все, в жару, в морозы
Выметает смех и слезы. Там на лавке ожидания время, скорость, расстоянье,
Как в задачке школьных лет, не дают найти ответ.
Там другого нет пути — чемодан в вагон внести
И за рокотом движенья ощутить вдруг напряженье дня и ночи, сердца, крови,
Спрятав память в изголовье...

Собираясь в одну из нечастых командировок в Коломну, я (как знал) взял с собой четыре экземпляра подборки своих стихотворений. Видимо, все же догадывался, что может появиться время для посещения московских журналов. Так и получилось. Очень быстро мы с коллегами согласовали параметры системы охлаждения дизеля нового тепловоза (я как раз и занимался теплотехническими расчетами этих систем), и у меня осталось три свободных дня. Мало того, мне пошли навстречу, и на заводе в Коломне отметили в командировочном удостоверении, что я пробыл там всю неделю. С легким сердцем я поехал в Москву, где и прожил три дня у родственников Лоры, очень приятных и гостеприимных тети Оли и ее супруга Иосифа. Они жили недалеко от остановки метро «Измайловский парк», и я, возвращаясь из своих походов по редакциям, горделиво ощущал себя бывалым москвичом, оставаясь в душе, увы, провинциалом. Тетя Оля скептически оценивала перспективы моих визитов в столичные издания, резонно заметив: «А ты им нужен? Приехал, так лучше отдохни, походи по музеям, попробуй попасть в театры. А то просто полежи на диване, посмотри телевизор. На работу идти не надо». Мудрая женщина. Всю жизнь проработав в какой-то конторе, она и нравы редакций видела, что называется, насквозь. Но мне было интересно. И я начал завоевание Москвы строго по плану. «Юность», «Знамя», «Новый мир», альманах «Поэзия» и журнал «Советский воин». Такой у меня был список, и я по нему шел неукоснительно. О посещении «Советского воина» я уже рассказывал — там на меня гаркнули полковники за то, что долго не мог открыть двери лифта, а в отделе поэзии признали мои стихи упадническими. В «Знамя» я так и не попал. Уже не помню точно причину, но, по-моему, то ли был перерыв, то ли по какой-то другой причине, но никого я в редакции не обнаружил, и «пошли они, солнцем палимы, повторяя: „Тудыть твою мать“». Это Ренов так обычно комментировал свои неудачные походы по начальственным кабинетам. Некрасов, думаю, был недоволен, но виду не подавал.

А в «Юность» я попал удачно и даже имел, как сейчас сообщают, «беседу на ногах на полях очередного саммита» с заведующим отделом поэзии Натаном Злотниковым. В памяти остался обаятельным, элегантным, стильным, в блейзере с красным галстуком. Равнодушно-вежливо выслушал он мои признания в любви к «Юности» и выражения почтения к его поэзии (его книга «Забытая музыка» была у меня, и стихи оттуда мне искренне нравились). Папку с моими стихами он не взял, но отправил к своему заместителю Николаю Новикову, тоже отличному поэту. Новиков посмотрел на меня с нескрываемой тоской, папку взял, но ничего не обещал (что естественно). О чем-то

мы с ним недолго поговорили, видимо, настолько недолго и незначительно, что в памяти вообще ничего не осталось. А оказалось, что был он в прошлом командиром торпедного катера, капитаном. Эх, надо было сказать, что отец тоже плавал на торпедных катерах. Может, и беседа была бы интереснее. Ответа из редакции на оставленные стихи я так и не дождался. Понятно, что таких, как я, были, наверное, не сотни, а тысячи, и отвечать всем было просто невозможно. А так хотелось... На следующий день я сумел попасть в редакцию «Нового мира» и даже с полчаса сидел за приятной беседой с литературным сотрудником Арвидом Меттсом. Вот он разговаривал со мной сочувственно-заинтересованно. Я успел рассказать о себе, а он показал на пирамиду папок на краю стола — это все были рукописи, ждавшие своего часа. Честно сказал, что ничего мне не светит. Но рукопись прочитал. И отметил, что в середине 50-х такие стихи пошли бы в следующий номер, но сейчас время изменилось, общий уровень образования вырос, пишут очень и очень многие. И потому — надо выделиться, быть необычным, выработать свой, неповторимый стиль. На этих пожеланиях мы и расстались, вполне довольные собой и беседой. Откровенно говоря, я не особо и рассчитывал на успех, но попытаться же надо было. Так что большого разочарования не было. С «Новым миром» у меня связана еще удивительная история. Спустя много лет, будучи в Москве на заседании исполкома МСПС, я решился еще раз зайти в редакцию знаменитого журнала. И это мне удалось. Я попал к заведующему отделом поэзии, прекрасному поэту Юрию Кублановскому. Конечно, я читал его стихи, у меня дома была его книга, и познакомиться лично было очень интересно. К моему изумлению, Юрий Михайлович с приветливой улыбкой сообщил, что и он знаком с моими стихами, читал их в коллективном сборнике и отметил для себя новое имя, которое, как он сказал, запоминается легко. Я был на седьмом небе. Кублановский! Читал! Запомнил! Мы очень тепло поговорили. Он подарил и подписал мне свою книгу, взял подборку моих стихотворений. Даже договорились переписываться. В общем, расстались как старые друзья. Больше мы не виделись. И на мои письма ответов не было. И сейчас я думаю: а было ли это вообще — встреча с известным поэтом, его доброжелательные оценки... Может, все это приснилось. Но книга подаренная свидетельствует — нет. Было и прошло, как поется в песне. И происходит часто в жизни. В памяти осталось моментом счастья. А стихи его хороши:

На холмах с нездешним светом колосится воздух-рожь,
 обжигающий при этом ветер соткан из рогож.
 Самолетик малокровный, уподобясь миражу,
 оставляет в ярко-темной тверди рыхлую между...

Последним пунктом в моем плане был альманах «Поэзия». Почему я именно туда решил пробиться, сейчас уже трудно сказать. Просто я его регулярно покупал, читал, и там был адрес редакции. Помню какой-то коридор, вдоль которого я шел, вглядываясь в таблички на дверях. Таблички, к сожалению, ничего не говорили об обитателях кабинетов.

— Кого ищешь, друг? Молодой поэт небось? — неожиданно обратился ко мне проходивший мимо высокий худощавый, приветливо улыбающийся человек в кожаном пиджаке. Как оказалось, это был поэт Николай Старшинов. Рассказал ему, кто я, откуда приехал, показал папочку со стихами. «Из Донбасса, значит. Жаль, что не шахтер. А в армии служил?» — неожиданно строго спросил он. «Конечно», — ответил я и показал несколько стихотворений армейского цикла. «Ты знаешь, это неплохо, главное, честно, — оценил он, — оставь мне свою папку. Если смогу, помогу, но ничего не обещаю. Очень много молодых хороших авторов».

Я оставил. Старшинов мне так и не написал. Это и неудивительно. Авторствительно очень много. И тогда кто-то из молодых подбежал к нему, начал с жаром рассказывать, что нужно куда-то немедленно ехать. На том мы и попрощались. А поэт Николай Старшинов был хороший, и о войне его стихи — одни из лучших. Не зря он у меня спросил тогда именно об армии. Вот его строчки:

Ракет зеленые огни по бледным лицам полоснули.
Пониже голову пригни и, как шальной, не лезь под пули.
Приказ: «Вперед!» Команда: «Встать!» Опять товарища бужу я.
А кто-то звал родную мать, а кто-то вспоминал — чужую.
Когда, нарушив забытье, орудия заголосили,
Никто не крикнул: «За Россию!..» А шли и гибли за нее.

Вернувшись в Луганск, я рассказал о своих эпохальных встречах Николаю Даниловичу Малахуте. Он оценил их как удачные: «Пообщаться со Старшиновым, Злотниковым и Новиковым — уже большое дело. Хорошие поэты. А вообще, надо тебе поступать в Литинститут, на заочный. Вот там пообщаешься со всеми. Готовь рекомендацию от завода, а мы тебе дадим от областной писательской организации. Должно помочь». Действительно, вскоре у меня было рекомендательное письмо от писателей, да еще и на фирменном бланке. А вот от завода письмо так и не дали. Сотрудник отдела подготовки кадров, изображая из себя большого и мудро-бережливого руководителя, долго и нудно укоризненно объяснял мне, что родина затратила на меня большие деньги, чтобы подготовить инженера. И теперь, мол, я эти деньги хочу свернуть в трубочку и засунуть коту под хвост. Он на это пойти не может. И вообще, зачем мне второй институт, еще и какой-то литературный, если я уже ведущий инженер-конструктор, а это — о-го-го! Сволочной, короче, оказался мужик. Так и не дали мне рекомендацию от трудового коллектива. Не знаю, помогла бы она мне. Но из приемной комиссии Литинститута два года подряд получал стандартные письма с информацией о том, что конкурс я не прошел. Письма были под номерами 995 и 998. Я прикинул, что принимали на заочное отделение, вероятно, человек 25. Так что конкурс был 40 человек на место. Все хотели быть инженерами человеческих душ. Даже не ведущими.

Связаны по рукам и ногам всем, что сказано и недосказано.
«Аз воздам!» — и друзьям, и врагам, что по жизни одним миром мазаны.
«Аз воздам!» — эхо сквозь времена, где за Словом встает многогочие,
Где над миром витают война, тишина и бессвязные прочие...

Благодаря Николаю Даниловичу я одно время зачастил в святая святых письменничкой спилки. Поначалу организация располагалась в домике Даля. Но потом там оборудовали музей великого автора словаря, и писатели несколько раз меняли дислокацию. Репутация у «писательского гнезда» была громкой и своеобразной. Даже Лора озаботилась: «Ходишь и ходишь туда, еще алкашом, как все они, станешь». Не стал. Хотя отношения с «допингом» у большинства мэтров были действительно задушевные. Но справедливости ради, в творчестве это им не мешало. Как говорил незабвенный Леня Стрельник, «у каждого свой манер». Мы с Леней (суперталантливым и при этом добрейшим и безобидным человеком) одно время работали вместе в телекомпании «Эфир-1». Почти каждое трудовое утро он начинал с визита в магазин «Мясо-молоко», который находился недалеко от студии и который он называл «МММ», так и приглашая коллег: «Айда в МММ, хильнем чарочку». Чарочка на его творческом состоянии практически не сказывалась — наоборот, становился еще более доброжелательным

и приветливым, неизменно обращаясь к коллегам «дуся», «ласочко», «сонечко»... Только один раз в прогнозе погоды к дневным новостям обозначил направление ветра как «восточно-западное». Новости приносили на подпись Василию Дунину, заодно читал их и я. Заметив это экзотичное направление ветра, Василий Керсантаевич озадачился и произнес: «Ну все, Сатурну больше не наливать». Это была контрольная фраза из анекдота, Леня ее понял и пару дней ходил задумчивый и трезвый. А анекдот был такой:

Прилетел на Землю инопланетянин. Ну, думает, надо вступить в контакт с землянами. Смотрит — мужики сидят, выпивают и закусывают. Он подходит, говорит: «Я — Сатурн!» Старший на него посмотрел, командует мужикам: «Налить Сатурну!» Выпили, закусили, сидят... Этот бьет себя в грудь: «Я — Сатурн!»

Старший: «Налить Сатурну!» Выпили, закусили... Тут инопланетянин встает: «Ребята, я прилетел с другой планеты...» Старший: «Та-ак, Сатурну больше не наливать...»

Но Николай Данилович не был похож на Сатурна, мы с ним не наливали и не выпивали. Чаще всего он совмещал беседу со мной с ответами на письма читателей и самодельных авторов. Отвечал очень вежливо и деликатно, что у меня вызывало только одобрение. Помню, в одном письме пришли четверостишия «о текущем моменте». Автор писал о простодушном пролетарском воробье, которого пыталась сожрать кровожадная кошка (по-моему, с империалистическим душком). Последние строчки были такие: «И он взлетел. Остались перышки на ветке. Он несомненно жить хотел во славу нашей пятилетки». Запомнилось сразу. И сейчас не забыл. Малахута в ответе поблагодарил автора за правду жизни и порекомендовал несколько разнообразить творческую палитру, делая ударение на ускорении поэтического ритма и перестройке сознания.

Жаль, не запомнил другие подобные письма. Их было немало. Наверное, самым знаковым для меня посещением, как принято сейчас говорить, писательского офиса стало собрание, на котором должны были проголосовать — принимать меня в областную организацию Союза писателей Украины или нет. Момент был волнительный. Я и сейчас благодарен тем, кто сказал обо мне добрые слова, дал рекомендацию: Татьяне Дейнегиной, Андрею Медведенко и Николаю Малахуте. Проголосовали «за» единогласно. Потом, правда, в Киеве это решение не поддержали. Вспоминаю, как на собрании подошел ко мне блистательный Иосиф Курлат. Блистательный — это без иронии. Во-первых, это был, на мой взгляд, лучший луганский поэт, писавший на русском языке, и, во-вторых, он действительно выглядел неотразимо. Пиджак в мелкую клеточку, шейный платок. Настоящий поэт. За несколько лет до этого я послал ему письмо со стихами, а он ответил мгновенно, честно и убийственно откровенно. «Владимир, я человек прямой и не буду кривить душой. Ты работаешь на тепловозостроительном заводе, это хорошо. Развивай тепловозостроение в нашей стране. Такой мой тебе совет». Что сказать. Я чуть не умер от огорчения. Пережить это помогло письмо от Вадима Шефнера. Вообще, я послал тогда в три адреса: Курлату, Шефнеру и двум киевским поэтам. Киевляне отвечают по сей день. А Шефнер написал чуть позже. И это было чудо. Во-первых, он, обращаясь ко мне по имени, извинился за фамильярность, но отметил, что я не указал отчество. А еще он написал, что во мне есть божья искра, что из десяти присланных стихотворений половина — это хорошие профессиональные стихи, попутно отметил, какие из них лучше, а какие хуже, какие у них достоинства, а над чем нужно поработать. В заключение написал, что помочь опубликоваться не может, ибо не вхож в журнальные и издательские кабинеты. Но предложил пере-

писываться. Это был момент счастья. Нечасто, но мы писали друг другу, и он всегда отвечал своим четким и строгим почерком. Лишь в последнем его письме буквы были как солдаты после команды «разойдись». Он так и написал: «Вероятно, это письмо последнее. Чувствую себя неважно, почти ничего не вижу. Писать трудно. А печатать письма на машинке считаю признаком неуважения». Вскоре его не стало. Светлая память. Спасибо, Вадим Сергеевич! Он был и прекрасным поэтом, и замечательным прозаиком. Его двухтомник я читал и перечитывал, как учебник. Считаю его одним из лучших в русской советской литературе второй половины XX века. А это его стихотворение повторяю всякий раз, когда мне плохо:

Я не в обиде. Мне отрадно идти с мечтой наедине
По теневой, по непарадной, по ненаградной стороне.
От мира глаз не отрывая, всю жизнь шагаю я по ней.
Друг, с теневой и теневая, и солнечная мне видней.

Мне, конечно, повезло, что в трудный момент мне ответил и тем самым поддержал такой мудрый, доброжелательный, порядочный человек и выдающийся поэт, как Вадим Шефнер. Но и на замечательного Иосифа Курлата обижаться было просто невозможно. Он ведь ответил искренне и честно. Значит, мне нужно было, стиснув зубы, работать и доказывать, что я чего-то стою. Я и пытался это делать в меру сил. А на том собрании Иосиф Борисович подошел ко мне, обнял за плечи и сказал так, чтобы услышали все: «Старик, я всегда говорил — ты пишешь гениально». Малахута добавил: «Комментарии излишни». А Василий Дунин глубокомысленно поставил точку: «А то...»

Я благодарно промолчал. А жизнь все эти слова воспринимала бестрепетно, едва ли их замечая. Она менялась, ломая судьбы, кому-то давая шанс, а у кого отнимая. Перестройка заканчивалась, начиналось что-то вовсе не ведомое. И пока оно проявлялось лишь в стабильном ухудшении всех жизненных характеристик. Но именно на закате перестройки мне выпал шанс наконец-то издать свою книгу. Как-то на улице я встретил Николая Васильевича Ночовного. Он тогда возглавлял областную писательскую организацию. Мы разговорились, и он сказал: «Почему до сих пор ты не издал свою книгу? Пришло и твое время. Заходи ко мне в любое время. Я напишу рекомендательное письмо для издательства „Донбасс“, а если они поставят вопрос о финансировании, то пусть тебе поможет завод». С Ночовным я познакомился еще в середине 70-х, когда он вместе с Филимоновым работал в газете «Молодогвардеец». Да и на заседаниях литературного объединения мы встречались тоже. Человек всегда чувствует отношение собеседника. В общении с Ночовным я всегда ощущал расположение к себе. Он вообще от природы улыбающийся, доброжелательный, приветливый. И очень интересный, оригинальный поэт со своим собственным стилем, который не спутаешь ни с каким другим. Кроме того, и автор нескольких увлекательно написанных романов. Один из них «Золото Леонтовича» я прочитал, что называется, на одном дыхании. При том, что написан он на украинском языке. А это, даже при моем неплохом его знании, не является преимуществом при чтении. Несколько раз он приглашал меня выступать на встречах с читателями (и за это даже немного платили). А однажды позвонил и сказал: «В гостинице „Октябрь“ поселился редактор издательства „Донбасс“, который отбирает стихи для коллективного сборника. Сходи к нему, отнеси свои, сделай ему презент, можешь дать конвертик». И хотелось пойти, но я так и не решился. И Лора это не одобрила. Но за совет был благодарен. В этот раз, получив такое предложение, я уже ни секунды не сомневался — нужно действовать. «Да уж, тебя два раза приглашать не надо, — поддержала Лора, — раз время пришло, давай иди за рекомен-

дацией». Прежде чем идти за рекомендацией, нужно было подготовить книгу, сделать обложку. Даже фотографии подходящей у меня тоже не было. За образец обложки я взял книгу Вадима Шефнера — на черном фоне белыми буквами название и фамилия автора. Просто и со вкусом, как сказал художник Николай Папуцин, к которому я обратился по рекомендации коллег из заводского бюро художественного проектирования. Он сделал все именно так, как мне хотелось, оставив самые приятные воспоминания о нашем сотрудничестве. А фотографию я взял не специально постановочную, а ту, что сделала в редакции «Октябрьского гудка» хороший фотограф Люба Слесаренко. Хотя более известным фотомастером считался ее супруг Александр. Мне фотография понравилась своей непосредственностью, естественностью. Было видно, что это — из жизни. Самым интересным в процессе подготовки книги был отбор стихотворений, компоновка, подбор названия. Не самым интересным, но обязательным — перепечатка на пишущей машинке. Я уже довольно основательно тогда освоил купленную несколько лет назад портативную «Москву» и настойчиво стучал по клавишам, в основном по выходным, а иногда и по вечерам. Но с Лорой мне было не сравниться. Она печатала, как метеор. В общем, довольно скоро рукопись была готова к тому, чтобы предъявлять и в Союзе писателей, и в издательстве. В качестве названия я выбрал строчку из стихотворения, которое было посвящено Виктору Филимонову:

Снова старые долги не дают покоя.
 По воде идут круги, даже под водою
 За кормою пенный след тает постепенно.
 Но обиды прежних лет вновь видны сквозь пену.
 Справедливости волна лишь бы не спадала.
 Снова старая вина сердце болью сжала.
 Побеждает совесть страх. И судьба — не скрипка.
 Исправлять пришла пора старые ошибки.

— Хм, «Старые долги», — протяжно проговорил Ночовный, увидев рукопись, — название с подтекстом, со смыслом. Но сейчас — все можно. И тут же составил рекомендательное письмо и отпечатал его на бланке. С ним я и поехал в Донецк, в издательство «Донбасс». На две области было одно-единственное издательство. Луганская типография лишь тиражировала книги других издательств. Сейчас совсем другая картина, и издать книгу — простейшее занятие, правда, затратное, но беспроблемное с точки зрения технических возможностей. Было бы что издавать. А тогда... С волнением вошел я в кабинет директора издательства. По-моему, это был Борис Федорович Кравченко. Он был чрезвычайно любезен, мил и приветлив.

Рукопись он смотреть не стал, а главной темой разговора стала проблема включения книги в издательский план и нахождение типографии для печати тиража. Он предполагался стандартным для поэтической книги — три тысячи экземпляров.

— Дорогой мой, — ворковал Борис Федорович, — мне про вас говорил Ночовный по телефону, сказал, что вы прекрасный поэт, и книга будет чудесная. А я ж не возражаю. Договоримся так. Оставляете книгу редактору, а сами ищите типографию. Договоритесь с типографией, хотя бы в Луганске, и мы всей душой возьмемся за рукопись.

На том и порешили. Вернувшись домой, я созвонился с директором типографии и договорился о встрече. В его кабинете повторилась та же история, даже с повторением обращения: «Дорогой мой». Типография, конечно, не возражала печатать мою замечательную книгу, но только при условии, что издательство включит ее в план. А издательство не возражало включать в план такого симпатичного автора, но только

при условии, что типография гарантирует печать. Иезуиты. Разорвать этот замкнутый круг мне было не под силу. И я обратился к заместителю парторга завода Сергею Гудину. Показал ему рукопись книги, на обложке которой, кстати, значилось: «при поддержке ПО „Ворошилоградтепловоз“». И случилось чудо. Мы были знакомы еще по работе в ЦКБ. Сергей был хорошим конструктором, потом профоргом, потом парторгом... Главное, он был (и остается) хорошим человеком. Гудин позвонил в горком партии, а оттуда Алексей Сердюков (с которым мы потом подружились) — в типографию. Мгновенно нашлась возможность отпечатать столь незначительный тираж, причем без всяких дополнительных условий. Молодым авторам, наверное, трудно понять эту ситуацию. Но так было. Почему? Это уже второй вопрос. Наверное, несправедливость была всегда. Да и будет. И объяснение ей придумать сложно. Почему издательство должно быть только одно на две большие области? Почему разрешение на печать получить практически невозможно? Почему, почему, почему... Вот сетуют, какое прекрасное было время... да, было много хорошего, о котором вспоминается с превеликой жалостью. Но было и такое, о чем вспоминать просто не хочется. Но конечно, главное — были мир и относительная стабильность, и было ощущение, что люди должны быть как братья, а фашизм и нацизм — это все осталось в далеком прошлом, там, где дымили трубы концлагерей, где голых людей расстреливали и клали в ров друг на друга. Но нет... Все возвращается. Вот этого я, да и, наверное, все наше поколение ожидать и представить точно не могли.

Мы лишние люди. Пора, брат, пора. Печоринским знаменем клясться не будем.
И все же как в поле идут трактора, так мы с тобой катимся в лишние люди.
Забывшие лозунги бродят, как квас, плакатов глазницы глядят очумело.
Мы — лишние люди, уходим как класс, и это, наверное, главное дело.
Помашет рукой удалой Азамат, и что-то Максимыч шепнет с укоризной.
И снова с тобой, как столетие назад, мы — лишние люди у нищей Отчизны.
И видно, не скоро придет романист, который покажет нас всех как являенье.
Уходит эпоха, как фильм «Коммунист», как эхо потерянного поколенья...

Следующие мои визиты в Донецк были сугубо творческими. Редактором книги назначена Анастасия Немирова, интеллигентная, обаятельная молодая дама, у которой практически не возникло вопросов по рукописи. Тем не менее процесс согласования, верстки, редактирования, корректирования длился почти год. В июне 1989 года книга была сдана в набор, а в декабре — подписана в печать. По-моему, в апреле следующего года я получил первые экземпляры. Ощущение было непередаваемое. Для меня это был настоящий момент истины. Я плакал. Мне было 39 лет, и я уже, честно говоря, не надеялся, что буду держать в руках свою книгу. Жаль, не дожил до этого дедушка. Он в меня верил. И еще я понимал: начинается новый этап в жизни. К тому же я стал депутатом городского совета. О чем тоже раньше даже мечтать было невозможно. Но конечно, я не мог представить, что начало нового жизненного этапа совпадет с развалом великой страны и всеми событиями, которые вслед за этим последовали.

Приспособиться и быть, как все, не как белая ворона,
Мчаться не по встречной полосе, не на красный, — на зеленый.
Приспособиться, как дождь к зиме или как снежинка к лету.
Привыкать, как свет к полнотной тьме, даже если нету света.
Привыкать к тому, что из мечты вырастают новые загадки,
Что режим набора высоты горький в той же мере, что и сладкий.